

**Немирович-Данченко Василий
Иванович**

Крестьянское царство

Том 1-2

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
В19

В19 **Василий Иванович Н.**
Крестьянское царство: Том 1-2 / Немирович-Данченко Василий Иванович –
М.: Книга по Требованию, 2024. – 516 с.

ISBN 978-5-519-98987-9

ISBN 978-5-519-98987-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

КРЕСТЬЯНСКОЕ ЦАРСТВО.

I.

Сердоболь.—Капитанъ парохода «Валаамо».—Отецъ Парамонъ и артистъ Володька.

Длинная, деревянная пристань далеко вдаётся въ губу, такъ далеко, что неуклюжій кузовъ парохода «Валаамо» уперся вплотную.

Видимо, по пути изъ монастыря богомольцевъ хорошо потрепало. Зеленые, покачиваясь, сходятъ они съ палубы и, попавъ на твердую землю, долго еще думаютъ, что она колыхнется подъ ними... Иные даже руки растопыривъ идутъ,—ухватиться при случаѣ, какъ качнеть.

— Мутило? спрашиваетъ кто-то.

— За грѣхи!.. Такъ отзвонило — страсть...

— Всякое злое помышленіе нутромъ вышло... Очистились!.. привѣтствуетъ монахъ у самой пристани.

— Ну, и слава Богу, значить! Коли очистились, въ кабакъ теперь можно. Согреѣшимъ, а опосля замолимъ.

— Ты бы безъ грѣха...

— Ладно, отецъ Іеремія. Ты думаешь у васъ въ рабочихъ сладость? Теперь, чтобы въ себя придти, менѣй полуштофа и не думай!

— А забылъ, что Матѣій сказалъ, а?

— Не про насъ онъ, отецъ!

— Про всѣхъ... и про тебя, малоумнаго, въ томъ числѣ. Ищите прежде царствія Божія и правды его, и сія вся приложится вамъ!..

— Мы, отецъ, въ обители и искали, а теперь, вотъ, прикладываться будемъ. Трудяющійся да пьетъ, сказано.

— Да ясть, иновѣръ!

— Ну, а если трудящемуся ясть полагается, то и пить слѣдуетъ.

— Прокурать этотъ Володька! обернулся ко мнѣ монахъ. Придетъ въ обитель съ чистымъ сердцемъ, заработаетъ два-три рубля и сейчасъ назадъ въ Сердоболь... Въ кабакъ... Иноческихъ денегъ не жалѣетъ, извѣстно! А они—деньги-то вѣдь какія, ангельскія!

— Почему-же ангельскія?

— Какъ иначе? У насъ каждая копѣйка следами облита. Вы думаете, богомолецъ такъ ее въ монастырь, походя, бросаетъ? Нѣтъ, онъ, какъ подаетъ, такъ еще намолится, да наплачется сначала. Вотъ онъ какъ. Отъ нея, отъ монастырской копѣйки, какъ отъ вдовьей лепты, нѣкій духъ исходитъ. А они ее въ кабакъ. Маловѣрные!

Нужно было спросить у капитана, когда завтра отойдетъ пароходъ. Капитанъ или его помощникъ, какъ разъ подошелъ къ борту, красный весь, какъ кирпичъ. Кожа на лицѣ выдублена, точно вѣтрами всѣхъ четырехъ странъ свѣта обдута. Глаза устроены такъ, что вблизи ничего не видятъ. Черезъ голову вамъ, за пятнадцать верстъ по крайней мѣрѣ, смотреть.

— Господинъ капитанъ!

— Есть! Голосъ точно въ рупоръ. Будто тотъ, кому отвѣчаетъ онъ, невѣсть какъ далеко отъ него. Оглушилъ совсѣмъ.

— Когда пароходъ отойдетъ въ монастырь?

— Парокоть... Красное сафьяное лицо принимаетъ глубокомысленное выраженіе... Парокоть, завтра... земь часъ!

— Вечеромъ?

— О, ја! ореть онъ на меня, и тотъ же взглядъ черезъ мою голову, упорно стремящійся разглядѣть что-то на горизонтѣ. О, ја!.. Земь часъ!.. Парокоть земь часъ пошла нама-стырь!..

Совершенно удовлетворенный возвращаюсь я къ своей хозяйкѣ, ужасно гордящейся тѣмъ, что ея мужъ былъ когда-то «господинъ на почта и золотой труба носиль!» Мадамъ Ригоиненъ вполнѣ счастлива теперь, отдавая комнаты по маркѣ *) въ день и угощая обѣдомъ за ту же марку. Въ минуты жизни трудныя она вынимаетъ мундиръ покойнаго мужа съ «золотою трубой» и шпагу-мышеколку, кладетъ это на столъ передъ собою, любитъся часъ—два и, вполнѣ утѣшенная, прячетъ свои полусѣденныя молюю воспоминанія обратно въ шкафъ. Я удостоился особеннаго ея довѣрія.

— Ви знай? Опа (т. е. ея мужъ) должна била получаль Станислаусъ-крестъ, но только Богъ взяла себѣ.

Я долго ломалъ голову, зачѣмъ Богу понадобился крестъ св. Станислава, да еще 3-й

*) Финская марка—двадцать пять копѣекъ серебр. т. е. серебръ кредитныхъ по курсу.

степени въ петличку, но изъ дальнѣйшихъ ея объясненій оказалось, что Богъ взялъ ея мужа, который за смертію такъ и остался не украшеннымъ регаліями.

— Но я то же звой мисль имѣю... Я купила Станислаусъ, положила на ему грудь и такъ каронила!

На другой день г-жа Ригоиненъ влетѣла ко мнѣ съ крикомъ:

— Паракоть пошла! Зачѣмъ вы спить, когда паракоть пошла?

— Какъ! не можетъ быть! Вечеромъ въ семь часовъ, самъ капитанъ мнѣ говорилъ.

— Нѣтъ! пошла. Сичасъ пошла... Свистала и пошла намастырь!

Я одѣлся, выскочилъ на пристань, чтобы увидѣть, какъ въ серебряную щель между шкерами вползалъ уже далекій, умалившійся до микроскопическихъ размѣровъ, силуэтъ парохода...

— Ишь попыхиваетъ! любовался на него вчерашній Володька, очевидно, ужэ вошедшій въ себя. Этому Володькѣ было болѣе сорока лѣтъ, а его все еще называли уменьшительнымъ именемъ.

— Что дѣлать теперь?.. Рассказываю ему свои злѣключенія.

— Больше ничего, что къ отцу Парамону вамъ надо. Какъ онъ положитъ, такъ и будетъ.

— Что это за отецъ Парамонъ?

— Вона, неужели-жъ вы его не знаете? недоумѣвалъ Володька. Отецъ Парамонъ у насъ первый пѣтухъ въ огородѣ. Онъ тутъ настоятель на подворьѣ... Мужикъ строгій, не дай Богъ! Онъ тебя скрозъ видитъ; ты еще только умомъ метнулъ, а ужъ онъ тебя за хвостъ, стой!.. Никакъ иначе вамъ нельзя... Отецъ Парамонъ васъ съ этимъ пароходомъ разсудитъ.

Совершенно не понимая, чѣмъ это отецъ Парамонъ можетъ помочь мнѣ, я отправился къ нему.

Подворье стоитъ въ концѣ города на берегу Ладоги. Калитка отворена. На дворѣ, щедро облитомъ солнцемъ, спитъ кудлатый песъ. Прищурился на меня, сообразилъ, было, что, по уставу, слѣдуетъ залаять, уже и пасть раскрылъ, да отдумалъ. Лѣнь! Перевернулся на спину, лапами кверху, да такъ и замеръ, нѣжась въ теплѣ и, очевидно, не стѣсняясь неприличіемъ позы, совершенно не соотвѣтствовавшей его

лѣтамъ и положенію въ свѣтѣ. Двухъ-этажный домикъ точно вымерь. Со двора слышно, какъ въ окнѣ звенить большая черная муха. Свѣже-просмоленные лодки сушатся на берегу, двѣ сойминки колыхутся на водахъ озера, точно убаюкиваютъ кого-то. Жарко такъ, что янтарный потъ проступилъ даже на бревнахъ, сваленныхъ тутъ же на дворѣ. Дверь въ домъ отворена,—вхожу... Въ горницахъ никого.

— Отецъ Парамонъ?!

— Кто, крещеный? слышится со стороны.

— Надобность имѣю до васъ... Бѣда случилась.

— Какая еще бѣда?

Въ дверяхъ показался обстоятельный мужичекъ въ подрясникѣ; умные глаза изъ-подъ сѣдыхъ бровей смотрять зорко; морщинки вокругъ расположились хитро: «меня, братъ, не надуешь», такъ и читаешь на этомъ лицѣ: «я тебя наскрозь вижу». Клобукъ сползъ на бекрень, сивая борода растрепалась, видимо, со сна челоуѣкъ.

Разсказаль я ему свою бѣду. Пожеваль, пожеваль отецъ Парамонъ, вскинулъ на меня глазами...

— Изъ какихъ будете? По морю ѣзжали?

— Ёзжалъ.

— Лодки не пугаетесь?

— Нѣтъ.

— Братъ Ѳеодоръ! Эй, братъ Ѳеодоръ?

Изъ другой комнатки выскочилъ мальченка въ бѣломъ холщевомъ подрясникѣ, тоже заспанный. На бѣгу скуфейку на лобъ натягиваетъ. Мальченка румяный, кровь съ молокомъ, видимо, валаамскіе хлѣба въ прокъ пошли.

— Ишь у тебя скуфья-то, словно чулокъ обмялась. Спишь въ скуфьѣ-то?

Тотъ со сна сунулся ему подъ благословеніе, носомъ въ грудь.

— Что тыкаешься! Пошелъ сейчасъ за Володькой, да за Иваномъ Гейной; знаешь, гдѣ сыскать Володьку?

— Онъ, отецъ Парамонъ, на пристани, пояснилъ я, понявъ, что Володька, съ которымъ сейчасъ бесѣдовалъ, тотъ самый и есть...

— Гдѣ и быть ему... Совсѣмъ сосудъ непотребный. Жилья не имѣетъ. На пристани и ночуетъ. Ты, братъ Ѳеодоръ, поскорѣ зови ихъ сюда, да живо! Скажи, самъ отецъ Парамонъ наказывалъ!